

ПЛЕМЯ НОХУРЛИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ ТУРКМЕНКУЛЬТА)

Племя Нохурли, как это указывает и А. Бахтияров в статье «Отуркменившееся» племя Нохур», в основном состоит из двух больших отделов: собственно Нохурли и Зертли. Собственно Нохурли, в свою очередь, делятся на четырнадцать отдельных родов: Абдыраман (əvd̡ɾamɑːn *); Бахар („baħaːr“); Джагыль-Джогуль („ɟaɟy-ɟoɟyl“), с двумя более мелкими подразделениями Парраш („paɾːaʃ“) и Косе („køːse“); Денджик („deːnɟik“); Эрвап или Арвап (*ɛrvaːp || arvaːp *); Эшек-С...н („eʃek-s...n“); Ходжа („hoɟa“) с тремя подразделениями Балканли („balɟalːi“), Хорасанли („xorasaːli“) и Дайнали („daːjnalːi“); Ышхата („ɨʃxata“), распадающиеся на собственно Ышхата и на Бақы-Овляди („baɟy øvlɑːdi“), в среде которых, в свою очередь, имеется еще более мелкое родовое подразделение Джудже („ɟuɟe“); Юзбаши („juz-baʃi“), распадающиеся на две группы Овез-Юзбаши („øvez-juz-baʃi“) и Янна-Курбан („aːnːa-ɟuɟvɑːn“), причем в последней имеется еще более мелкая группа Мями-Кель („mɑːmi kelːi“); Юзбеги („juz-begɨːi“), подразделяющиеся на собственно Юзбеги и на Карадашли („qara-da:ʃli“); Кушхана („kuʃxəna“); Мелик („mælik“); Овез-Гельди („øvez-gælːi“) и Сыгыр („sɟyɟr“) с двумя подгруппами Кельте („kelte“) и Емрели („jemrelːi“).

Отдел Зертли делится на две безыменные группы. В одну из них (основную) вошли роды: Ходжа-Непес („hoɟa-peres“); Ходжа-Нияз („hoɟa-piːjaːz“) с двумя более мелкими подразделениями: Ады-Бай („aːd̡y-b̡aːj“) и Уста-Недир („usta-nəd̡ir“); Кор („koːr“) и Огры („oɟr“), в среде которых, в свою очередь, замечаем: собственно Огры, Бег („beg“), Кола („kola“) и Келч („kelç“). Вторую группу составляют роды: Айи („aɨ“), распадающийся на собственно Айи и на Бебир („bəbir“); Чарык („çəɟx“) с подразделе-

* Фонетически транскрипированные туркменские слова выделены везде кавычками.

ниями: Сеп-Кули („sep-quli“), Сеит-Кули („sejit-quli“) и Мехеммет-Кули („məhmətːet quli“); Казы („qaːzi“), от которых отделяются Товекель („to-vəkːəl“), и, наконец, Хивели („xiːveli“). Прилагаемые диаграммы (см. стр. 31) помогут уяснить родовой состав племени Нохурли и взаимоотношение отдельных родовых подразделений.

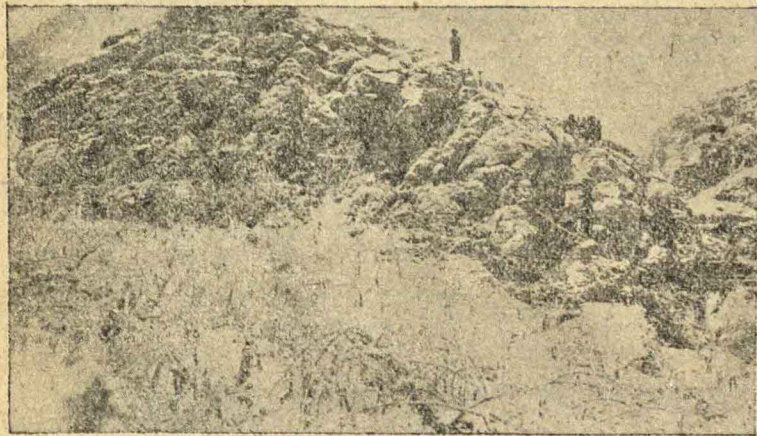
Относительно происхождения большинства этих групп существуют народные предания, подчас основательные, подчас несомненно баснословные. Приведем их вкратце.

Наиболее древними родовыми группами, с незапамятных времен осевшими в Нохуре, о происхождении которых нет никаких сведений *, считаются в народе четыре рода: Мелик („mælik“—князь, начальник); Эрвап или Арвап („ɛrvaːp || arvaːp“, из араб. أرباب—господа, баре, у нохурцев-же в значении: „kəːxuda“, т. е.—старейшина); Денджик („deːnɟik“—глуповатый, олух, простофиля) и Сыгыр ** („sɟyɟr“—корова). Названия эти, как нетрудно заметить, отражают в себе начавшееся уже в те давние времена классовое расслоение родовой общины.

Само название племени Нохурли („noħurli“ нохурец, нохурский) происходит, конечно, от названия места их поселения. Следует отличать при этом Старый Нохур („Qaɟr Nøħur“), т. е. са-

* Приводимый А. Бахтияровым со слов Мәти-Молла рассказ о происхождении основного ядра племени Нохурли от воинов Александра Македонского, случайно оставшихся в горах вместе со своими женами—персиянками, в самом Нохуре неизвестен. При опросе мной по этому поводу Мәти-Молла, тот признался, что слышал это предание от покойного Н. Н. Йомудского (Карахсан-оглы), часто проводившего лето в Нохуре вместе с семьей. Что касается Н. Н. Йомудского, то он вычитал эти сведения из какой-то старой рукописи.

** Параллельно с этим распространено еще другое наименование этого рода: sɟyɟr...n. Происхождение его таково: в царское время Кара-Калинский пристав Довлетшинов (по национальности татарин), видя, что земли рода „sɟyɟr“ граничат с землей рода „eʃek-s...n“, распорядился: „Пусть и они тоже называются не просто Сыгыр, а Сыгырь...н“. Яркий пример самодурства и произвола царской администрации!

Скала, служившая крепостью роду Джагыль-Джогуль.

(Фото Н. Фатгаха)

Знаком туркменской старины Мяти-Молла (рядом с ним, выходящая ныне из употребления, лестница, высеченная из целого бревна)
(Фото Н. Фаттах).

мою нохурскую цитадель с прилегающим к ней поселением и Новый Нохур („Taza Nohur“), под которым подразумеваются как хутора Старого Нохура, так и нохурские аулы в долине реки Сумбара. (К Старому Нохуру иногда прилагается украшающий эпитет „hysp-i rolat“, т. е.—краса стали).

О происхождении аула Нохур и о значении этого слова имеется три предания. Одно из них Мäti-Molla, будучи раз в Персии, в Мамед-Абаде, слышал от старого муллы, в свою очередь вычитавшего его в древней рукописи. По этому преданию, основание цитадели и прилегающему к ней селению положил некий Нохур, младший сын Теграка („tegra:q“). Старшему брату Нохура Ибрагиму („evga:him“) приписывается насаждение больших вековых чинаров, что до сих пор стоят в центре аула (возле школы).

Другое предание имеет юмористический характер и гласит, что „Нохур“ произошло от двух персидских слов „noh хәг“ (نه خر), т. е.—девять ослов. Иными словами говоря, место, на котором стоит Нохур, до такой степени каменисто и неудобно, что годится разве что для одних ослов.

Третье предание было сообщено мне местными жителями с большой неохотой. Общий абрис его я услышал случайно, лежа у огня, в то время, когда окружающие думали, что я сплю, а недостававшие подробности пришлось восстанавливать уже потом, путем опроса це-

лого ряда моих собеседников. По этому преданию, сын Ноя Насъ-Мелік подошел к окружающим Нохур горам и встал как-раз над Нохурской котловиной, упершись одной ногой в гору Манаман („manaman“), а другой—в гору Ики-Кат*) („iki-qet“), с целью облегчиться. При этом одновременно с экскрементами („рох“) вышли и райские гурии („hu:г). Поэтому и место назвали Нохур (рох + „hu:г“). впоследствии в народных устах слово Нохур якобы изменилось в Нохур. Предание говорит затем, что масса экскрементов, заполнив целиком нохурскую котловину, запрудила текущий здесь ручей, вследствие чего в ущелье образовалось большое скопление воды. В конце-концов, вода прорвала преграду и унесла все экскременты Хаджи-Мелика вниз по ущелью на равнину, где они и сейчас еще видны в форме огромных масс красной глины или ила (местность Ших, верстах в 4-х от ст. Арчман). Что касается гурий, то они остались в котловине и от них произошли современные нохурцы.

При всей видимой вздорности этого предания, следует все-же признать, что в основе его лежит, очевидно, воспоминание о когда-то бывшем здесь в действительности большом горном обвале, запрудившем нохурское ущелье. Упоминание же о гуриях внушено, по всей вероятности, действительно выдающейся красотой и обаятельностью многих представителей нохурского племени (в особенности молодежи обоего пола).

Относительно отдельных родовых групп, входящих в отдел Нохурли, сведения, сообщаемые преданием, значительно лаконичнее. Так, о роде Абдыраман (от соб. им. Авдъ-Rahman) рассказывают, что он переселился в Нохур из ущелья Джельгелан („Seigel:n“, в древности Seiajyt), находящегося ныне в пределах Персии, верстах в 20—25 от границы.

Бахар ведут свое начало от некоего Бахара из племени жемелі (род jayl), прибывшего в Нохур из Беурме („вә:гме“) или Дешта („dešt“).

Джагыль-Джогуль, по мнению большинства нохурцев, являются потомками иудеев и самое название этого рода толкуется в массе, как „са:фы сәһi:t“, т. е.—невежественный еврей, но такого рода особенности внешнего склада отдельных представителей исконного джагыль-джогульского типа, как белый цвет кожи, русые или рыжие волосы, белые ресницы и голубые глаза вряд-ли говорят в пользу подобного предположения. Сами Джагыль-Джогульцы утверждают, что они ниоткуда сюда не приходили и что они являются древнейшими насельниками этих мест („мы вышли из камня“ говорят они).

В старое время Джагыль-Джагульцы жили обособленной группой в своем отдельном поселке, находившемся в ущелье Дейдер („dejdər“), верстах в 3-х от Нохура. Громадная труднодоступная скала служила им убежищем во время невзгод военного времени (она и сейчас зовется „gövr-qala:sb“). На месте их бывшего поселения сейчас ничего не осталось: земля сплошь вспахана и обращена в виноградник, но при раскопках нередко находят в том месте боль-

*) „Ики-Кат“ значит „два слоя, две окладки“. Гора названа так потому, что на ней совершенно ясно видны следы двух последовательно произошедших больших сбросов.

шие глиняные сосуды овальной формы с остатками какой-то белой массы (вроде пепла) на дне. Малочисленность этого рода (площадка наверху их „крепости“ могла вместить не свыше одной-двух сотен народа), неизбежность в силу этого кровных браков и, следовательно, угроза вырождения и полного исчезновения заставили их, очевидно, добровольно (как гласит предание) отказаться от своей самостоятельности и слиться с массой нохурцев. Подтверждением этому может служить также поверье, широко распространенное среди нохурцев, что от брака двух чистокровных представителей рода Джагиль-Джогуль потомства не бывает. Названия обоих подразделений этого рода Парраш („paḡ: aḡ“ из перс. فراش—блюститель порядка, сторож, городового) и Косе („ke: se“—человек без бороды или с небольшой бородкой) ведут свое начало от имен их родоначальников. Полное имя первого из них было Овез-Парраш.

Что касается рода Ходжа, то как показывают наименования его подразделений (Дайнали, Хорасанли и Балканли), часть этого рода явилась из Дайна, часть—из Хорасана, а часть—из Балаханов. Во главе последних стоял, по преданию, Ших-Шереп, чтимая могила которого по сей день видна на старом нохурском кладбище, в центре аула, возле школы.

Род Ышхата (первоначально называвшийся Шихтап) переселился из-под персидской крепости Шихтап, что верстах в 40 от Сумбара, при чем во главе стояли два брата: Баки и Ших-Ата, именами которых были потом названы оба подразделения этого рода. Любопытно происхождение названия более мелкой группы Джудже. Передают, что их родоначальника звали Өvez-Tovux (т. е. Овез-Курица). Однажды он созвал гостей на той с тем, чтобы с него была снята неприятная кличка. Желание его было уважено и присутствующие дали ему новое прозвище Өvez-Baḡ. Но когда гости разъехались и расходились по домам, то им повстречалась группа лиц, обиженных тем, что их не пригласили на той. Узнав о причине торжества, они сказали: „Ol tovux volpas, ṣuṣe voluḡ“. Так за Овез-Баем и осталась кличка „Ṣuṣe“, т. е.—цыпленок.

Юзбаши ведут свое начало от племени Човдур (род Бурундук); они жили раньше у источника Пантыш, возле аула Караган, Бахарденского района. Начальником их был некий Өvez-Juz-vaṣ, а у того был брат Аппа-Qirvaḡ.

Юзбеги происходят от племени Карадашлы, жившего раньше в ауле Qoṣa-Baq (Кара-Калинского района), ныне необитаемом. Названием „Юзбеги“ они обязаны тому обстоятельству, что один из двух братьев, стоявших во главе племени, имел чин сотника (juz-begī).

Кушхана пришли из Персии; сородичи их и теперь еще живут в местности Сыгыстап (верстах в 15 за Фирюзой, на персидской территории).

Овез-Гельди зовутся так по имени своего родового предка, происходившего из племени jemḡci (род vedess).

Что касается второго отдела нохурского племени—zerḡti (или, как их называли раньше,—zetḡci), то большинство составляющих его родовых групп влилось компактной массой в со-

став нохурцев, по преданию, еще во времена Надир-Шаха.

Название свое они получили от ущелья Зерне (Zerne), находящегося в районе персидской крепости „Багъ“ (верстах в 35—40 от границы).

Группы Айи, Чарых, Казии и Хивели примкнули к отделу Зертли позднее, и между ними и остальной массой зертлинцев до сих пор чувствуется известная отчужденность.

Роды Чарых и Казии, по рассказам, оба ведут свое начало от рода aḡaṣa-vedec (племени saḡḡ). Первые из них получили свое название якобы оттого, что всегда носили на ногах чарыки (род кожаных лаптей), а что касается других, то их предок Anna-Met Ustaly-oḡḡl исполнял обязанности шариатского судьи („qa: zi“), поэтому и его потомки тоже стали называться казии. (Товеккель—соб. имя).

Род Айи происходит от племени Али-Или и до переселения в Нохур жил в долине Аџь-Dere (20 в. от Нохура).

И, наконец, Хивели („xi: veḡi“—хивинец, —цы), как показывает само их название, переселились из Хивы, а происходят они из рода Мангыт („maḡḡt“).

В настоящее время главным местом расселения нохурцев является Старый Нохур (Qaḡḡ Nohur), о котором уже говорилось выше, с примыкающими к нему выселками Ярыш („ja: ḡṣ“—состояние; назван так потому, что здесь устраивались раньше конские скачки) и Кама-Сулах („kaḡa suḡa: x“: сюда в прежнее время была проведена вода из ручья с помощью системы труб, составленных из полей стеблей зонтичного растения „кама“).

Нохурская девушка (заметна незначительная примесь джагиль-джогульской крови).
(Фото Н. Фаттах).

Водонапорная труба нохурской мельницы (составлена из ряда наложенных одно на другое больших каменных колец). (Фото Н. Фатгаха)

Затем, заселены нохурцами же хутора, расположенные в верховьях Нохурской долины: Караул („qaravul“), называемый так потому, что там находилось раньше сторожевое передовое укрепление, имевшее целью предупреждать нохурскую цитадель о приближении врагов, Койне-Гуммей („køjnə-gʊm : ej“—старый купол) с гробницей, в которой погребен Окур-Хан („əkdug-xa : n“), вождь племени Арап („əgər“), прибывшего, по преданию, Койне-Гуммей от племени „pursy-ge : j“ (فارسی گوی—говорящий по-персидски) за 40 пар быков („qəyx qoş əkyze“) и Айи-Дере („ajə-derə“), т. е.—долина племени Ајь (медведь), являвшегося, как передают, ответвлением племенной группы Али-Или*) („a : li—i : li“), обитающей, по словам Мәти-Мола, и сейчас в Афганистане (в городах Яндхой, Акча, Шибирган).

Все остальные нохурские поселения находятся в верхней половине Сумбарской долины. Назовем их в том порядке, в каком они расположены по течению реки, объяснив попутно смысл отдельных названий.

Яман-Яп („jaman ja : p“—плохой арык; назван так потому, что проведение здесь оросительной сети было сопряжено с большими трудностями).

Койне-Кесир („køjnə-kesi : r“—старый замок), распадающийся на 3 отдельных части: собственно Койне-Кесир, иначе называемый „Верхняя крепость“ („juxarqi qala : si“), Нижнюю крепость („aşa : q : i qala : si“), называемую также Долли Сопининг тепеси („dəl : i sorəpnə tərəsi“),—холм

Долли-Сопи*) и Чокур-Юрт („coqur ju : rt“—впадина, впалое, углубленное место**).

Нури-Кала („nu : ri-qala : si“)—крепость Нури. Названа по имени поселившегося здесь первого нохурца (из рода Ышхата).

Каргыли („qəgryli“)—камышистый: у находящегося там источника растет много камыша.

Ходжа-Каласы („hoşa qala : si“)—ходжинская крепость. Раньше тут жил род Ходжа (группа Хорасанли), но во времена Надира-Шаха, опустошившего их аул, они переселились в Нохур; в Ходжа-Кала осталась могила их предка Sejit-Neşeri.

Дикиль-Даш, или правильнее Дикили-Даш, „dikili-da : ş“—камень стоящий торчком—здесь имеется древний памятник в форме большого камня, стоймя вкопанного в землю.

Йолли-Дере („jo : l : i derə“, от слова jol—дорога)—тут пролегает путь из долины Сумбара в Нохур.

Дузлы-Дене („du : zli tərə“—солёный холм)—на одном из холмов видны отложения соли.

Таза-Кала („taza-qala : si“—новая крепость)—роды Мелик и Абдыраман, переселившись сюда из Круждея, построили тут (лет 20 тому назад) новое укрепление.

Круждей („kryzdej“)—значение слова неизвестно.

Оджи („ə : si“), или правильнее Овджи, („əv-çi“—хвостун, бахвал)—получил свое наименование от проходящего здесь арыка Овджи.

Дурды-Хан („durdy-ha : n“). Некто Дурды-Яных („durdy-janyx“) из племени Гоклен построил здесь укрепление. Межплеменные раздоры заставили гокленов оставить это место. Позднее (до революции) тут был русский поселок***).

Айининг-Агзы („ajəpnə aqzy“, т. е.—отверстие, вход в ущелье Айи).

Тутли-Кала („tutli-qala : si“—тутовая крепость)—развалины древней крепости с избытком больших старых тутовых деревьев****).

Следует отметить, что в долине Сумбара поселения нохурцев появились сравнительно недавно: лишь после прихода в край русских. До этого, из боязни своих многочисленных врагов (персиян и текинцев), они предпочитали жить сконцентрированно, в районе Старого Нохура.

О подробностях прошлой родовой организации нохурцев сведений очень мало. Известно лишь, что во главе нохурской общины стоял совет старейшин („kə : xuda : keixuda“ или „a : x-saqal“) из двенадцати (в иные годы тринадцати) выборных представителей от наиболее влиятельных родовых групп, а именно: от Айи, Арвап, Казы, Мелик, Огры, Овез-Гельды, Ходжа, Ходжа-Нияз, Чарык и Юзбаши по одному представителю и от обеих подгрупп рода Ышхата—(два представителя. По временам в совет ста-

*) Долли-Сопи, из рода Чарык, первым поселился там.

**) Здесь, по рассказам, сохранились старые надгробия с арабскими надписями.

***). Русских поселенцев нохурцы называют „тушук“ (русск. „мужик“).

****) Упомянутое А. Бахтияровым селение „Путин-Кала“ мной не обнаружено и является, по всей вероятности, плодом недоразумения, т. е. никто из опрошенных мною нохурцев никогда и ничего о нем не слышал.

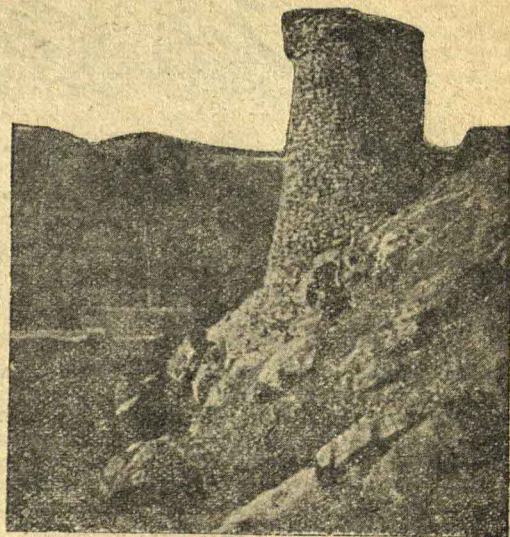
*) Происхождение племени Али-Или нохурское предание связывает с именем одного из внуков Огуз-Хана („a : li“ или „əli“), отец которого был женат на персианке.

рейшин входил также и представитель рода Хивели. Право председательствования в совете испокон веков принадлежало представителям рода Мелик, но в последние годы самостоятельности Нохура этим правом иногда пользовались и другие родовые группы (Ходжа-Нияз, реже—Овез-Гельди).

Интересы менее значительных родов, не имевших в совете голоса, защищались представителями тех сильных родовых групп, к которым более слабые группы были, так сказать, приписаны. Так, напр., род Бахар зависел в такого рода случаях от рода Овез-Гельди, роды Сыгыр, Эшек-С...н и Кушхана—от Юзбаши, Абдыраман и Юзбеги—от рода Мелик, Джагыль-Джогуль—от Чарыков, Денджик—от Айи, Кори Ходжа-Непес—от Огры. В те годы, когда Хивели не имели в совете своего представителя, их интересы представлял чаще всего род Айи (а иногда Огры).

Совет старейшин имел, преимущественно, судебные функции и, по существу, представлял собою суд адата (параллельно с существовавшим ему шариатским судом, судом казиев). Члены совета содержания за свой труд не получали, но зато в случае необходимости имели право широко пользоваться даровой трудовой помощью своих единоплеменников. Место заседаний суда старейших находилось возле главной мечети в цитадели (на площади) и было обнесено каменным парапетом высотой в половину человеческого роста.

Из числа наказаний, назначавшихся советом старейшин, можно отметить, как наиболее типичные: штраф в девятикратном размере суммы причиненного ущерба, телесные наказания (удары палкой), изгнание за пределы общины. Убийство жены и ее любовника, при условии доказанности проступка, оставалось ненаказуемым. В некоторых случаях применялось подобие библейского закона „око за око, зуб за зуб“; так в случае изнасилования присуждалась к изнасилованию жена (!) обидчика (если же таковой не было, он сам подвергался тяжкому телесному наказанию). Исполнение судебных решений обеспечивалось добровольцами из числа членов общины, а также наличием института особых „блюстителей порядка“ — паррашей („par: aşı“).

Угловая башня нохурской цитадели.

(Фото Н. Фаттах)

Таковы вкратце собранные нами сведения о прошлом и настоящем племени Нохурли. Наиболее трудным, конечно, является правильное решение вопроса о происхождении и социально-культурном взаимодействии отдельных родовых групп, вошедших в состав этого племени. Сравнительная сложность этого состава, большое разнообразие расовых типов в среде нохурцев, наличие ряда совершенно своеобразных обычаев и обрядов, не встречающихся нигде больше в Туркмении, и, наконец, очевидность самых различных напластований и влияний в их языке, искусстве, предметах быта и т. д. говорит с несомненностью о том, что выяснение поставленной перед нами проблемы неизбежно потребует совместных и планомерных усилий целого ряда исследователей, начиная с историка и антрополога и кончая этнографом и лингвистом.

А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ.

ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ГУС-а и ТУРКМЕНКУЛЬТА

В ПЕРВУЮ ГРУППУ—игрушки, отражающие производственные процессы в быту гокленов, входят, прежде всего, предметы, связанные с кочевым скотоводческим укладом жизни. Таковы, например, охотно и в изобилии вылепленные детьми из глины фигурки баранов, лошадей, ослов и др. домашних животных. В собранной мною коллекции, игрушки скотоводческого цикла представлены крючковойтой палочкой, имитирующей пастушеский „кангарак“ („qanaraq“), которым обычно вылавливают в стаде овец за ногу. Сюда же, очевидно, надо отнести и лошадку из камыша („qam^hstan at“), в виде длинной камышевой трубки, представляющей собою туловище лошади („at^h q qevge-si“), к верхнему концу которой прикреплена более короткая трубка, изображающая уздечку или поводья („at^h q cpeñi“). Обе трубки скреплены, пронзающей их насквозь, деревянной палочкой, играющей в глазах детей роль удил („at^h q aq^h zd^h r qe“).

Отмирание натуральных форм хозяйства и переход его к товарному типу нашел себе отражение в миниатюрной копии весов („terezi“) с равноплечим деревянным коромыслом и двумя жестяными чашечками, прикрепленными к коромыслу нитками.

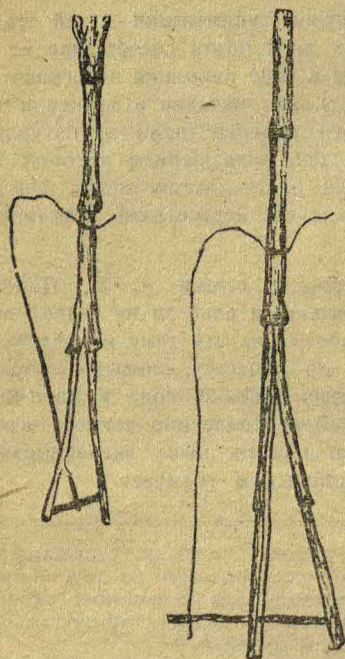
Игрушки туркменских детей до последних дней почти совершенно не привлекали к себе внимания этнографа. Между тем, их значение в изучении туркменского ребенка (одна из актуальнейших задач, разрешением которой занят в числе ряда других задач, Институт марксистской педагогики) поистине огромно.

Настоящая статья А. П. Поцелуевского является едва ли не первой печатной работой на эту тему и представляет собою, по существу, описание собранной им зимою 1927—28 года в Кара-Калинском районе коллекции детских игрушек племени юклен, ныне экспонированной в Ашхабадском госмузее.

К однотипным с „чархыджа“ игрушкам должна быть, повидимому, отнесена и вертушка, ветрянка („plavac“). Виденный мною экземпляр вертушки представлял собою две накрест скрепленные и насаженные на конец длинной рукоятки лучинки с прикрепленными к ним бумажными лопастями или „крыльями“ („qanat“). Что особенно заслуживает внимания — стерженек („su“:), на котором лучинки вращались, был не металлический, а ДЕРЕВЯННЫЙ. Наличие этой игрушки у гокленских детей дает некоторое основание предполагать, что в далеком прошлом у племени гоклен были в употреблении также и ветряные мельницы (в настоящее время совершенно отсутствующие).

К игрушечным предметам охоты, прежде всего, следует отнести всевозможные сетки для ловли детьми мелких птиц. Имеющийся в коллекции экземпляр сетки („tor“) напоминает по форме колпачек газо-калильной лампы (но только вдвое или втрое больших размеров), спле-

тенный из черного конского волоса. Плетутся такие сетки обычно на формочке или колодке из сырой глины, на которой они затем и оставляются до тех пор, пока глина высохнет. При ловле птиц „тор“ вставляется в отверстие гнезда глухим концом внутрь. Влетающая в гнездо птичка запутывается крыльями в петлях сети.

«Ружье» (слева) и таркылауук.

Широко распространенные силки для птиц „джелле“ („çel:ə“) имеют вид шнура длиной около 1 арш., с прикрепленными к нему на равных промежутках (ок. 1 в.) легко стягиваемыми петлями из конского волоса. Шнурок туго натягивается между двумя колышками, вбитыми в землю, так, чтобы края петель касались поверхности земли. Под шнурком, в виде приманки, насыпают зерно.

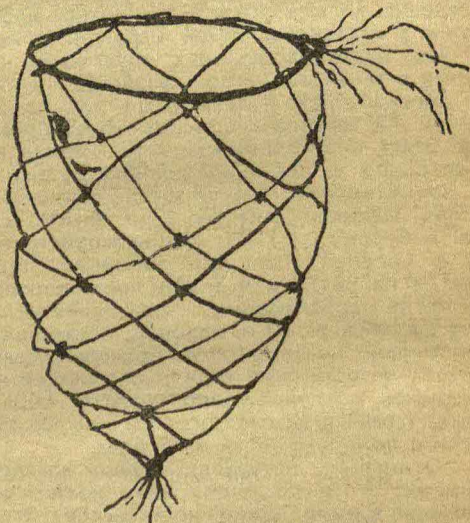
Весьма любопытен, остроумный по своей конструкции, „хеппик“ („hер:ik“) — капкан для ловли небольших птиц. Делается он из свежих, еще гибких, тутовых веток и представляет собой круг, или вернее овал, скрепленный внутри накрест положенными перекладинами, на которых прочно укреплены своими концами сильно пружинящая дуга, из довольно толстой тутовой ветки, называемая „тутор“ („tutor“). При установке капкана, „тутор“ отгибается в сторону, обратную направлению его движения, и закрепляется в этом положении с помощью перекидываемой через него небольшой деревянной палочки „четник“ („çetnik“), привязываемой одним своим концом к продольной перекладине основы капкана. „Четник“ фиксируют в нужном положении, вставляя другой его конец в небольшую зарубку на второй (прикрепляемой невдалеке от центра основы капкана) апплошке с древесной почкой или зернышком на вершине и называемой поэтому „дә:nelik“ (от

слова „дә:ne“ зерно). Налаженный подобным образом капкан засыпают со всех сторон песком так, чтобы была видна только почка на вершине „дә:nelik“а. Для приманки поверх песка насыпают зерно. Если птица, подбирая зернышки, клюнет почку, привязанную к „дә:nelik“у, „тутор“ немедленно освобождается от „çetnik“а и с силой прихлопывает птичку к песку.

Помимо этого, детьми нередко изготовляется из древесных веток или стеблей камыша игрушечное подобие настоящего большого капкана для ловли лисиц и т. п. животных, но поймать такой игрушкой какого-либо зверя, разумеется, нельзя.

Что касается детского оружия, то наиболее распространенными являются обыкновенные стрелы и лук („оq:aj“). Обычный материал для них — тутовое дерево, при чем стрелы нередко имеют наконечники в виде железного гвоздя или конически свернутого листка жести. Тетива — бечевоочная.

Вслед за луком следует отметить целый ряд самопалов, из них наиболее интересен в конструктивном отношении „кумолок-яйи“ („qutoloq ja:ji“) — самопал для стрельбы круглыми шарикообразными комками овечьего кала („qutoloq“). „Кумолок-яйи“ состоит из камышевой трубки, длиною в 1-2 фута, и гибкого упругого прута (обычно тутового). Иногда прут заменяется камышевой лучинкой. В стенке трубки продельваются три отверстия: заднее — „a:rt deşiq xi“, переднее (продолговатое) — „eñ deşiq xi“, расположенное на той же самой стороне и на той же самой продольной линии, что и заднее, и — „sýqylja:n deşik“ — небольшая дырочка, находящаяся как раз напротив продолговатого отверстия на стороне трубки диамет-

Тор (сетка для ловли птичек)

рально-противоположной той, где находятся два первых отверстия. Тутовый прут (или камышевая пластинка) вставляется одним концом в заднее отверстие, загибается в виде дуги или лука и, будучи просунут сквозь переднее (продолговатое) отверстие, вставляется изнутри трубки другим своим концом в маленькую дырочку

ку таким образом, чтобы только кончик прута высывался наружу. Сквозь естественное отверстие переднего среза трубки, называемое „qımoq salıja: n deşik“, вкладываются круглые комки овечьего кала. При нажмем пальцем на выступающий из стенки трубки наружу кончик прута, прут выскакивает из дырочки и, будучи упругим наподобие пружины, производит как-бы щелчок по вложенному в трубку комку. Размах щелчка ограничен, понятно, продольными размерами продолговатого отверстия трубки.

Другой тип самопалов называется „таркылавуқ“ („tarqıla: avıq“) и состоит из довольно длинной камышовой трубки с расщепом на одном из концов. Привязанная к середине трубки с помощью довольно длинной бечевки небольшая палочка („qıl: eşik“—б.: „пультка“) вставляется в расщеп трубки. При легком подергивании за веревочку, палочка отлетает в сторону на расстояние длины бечевки.

Один из типов игрушечного ружья („tyreŋ“) построен на принципе имитации звука выстрела. В основном эта игрушка аналогична предыдущей, т. е. состоит из длинной камышовой трубки с расщепом на одном из концов, но с той разницей, что одна из половинок расщепа имеет в себе небольшую дырочку, в которую вставляется, привязанная к игрушке, небольшая палочка, уподобляемая в данном случае патрону („oq“), при этом, конечно, расщепленные концы трубки раздвигаются в стороны. Так как палочка имеет на себе зарубку, которой она цепляется за края дырочки, то концы расщепа остаются в раздвинутом состоянии до тех пор, пока палочку не выдернут из отверстия, потянув за веревочку. В то время, когда она выскакивает, расщепленные концы трубки быстро возвращаются в первоначальное положение и, с силой ударяясь один о другой, производят довольно громкий треск („выстрел“).

Другой тип игрушки—водяной лук („su: ja: j“), иначе называемый „соркуч“ („soŋqıc“), стремится использовать самый принцип действия настоящего ружья: выталкивание заряда из ствола ружья с помощью сильно сжатой материальной среды. Водяной лук представляет собою камышовую трубку с вставленным в нее поршнем из тряпочки, намотанной на конец тонкой и прямой ветки. Употребляется эта игрушка детьми для обрызгивания друг друга водой.

Обнаруженный мною в ауле Ак-Кель игрушечный деревянный кинжал („qa: ta“), судя по расспросам, не может быть признан типичным для всего племени гокленов, тем более, что вообще кинжалы не пользуются распространением в среде туркмен.

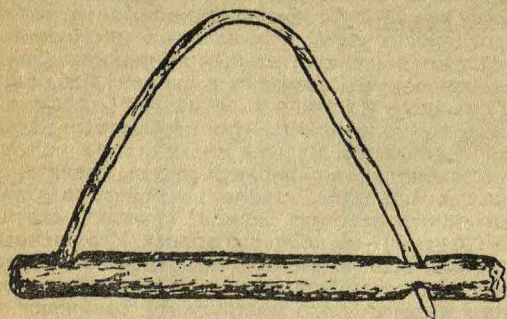
ТРЕТЬЯ ГРУППА ИГРУШЕК—МУЗЫКАЛЬНЫЕ. Феодальный строй, как известно, являлся всегда фактором весьма благоприятным для расцвета таких искусств, как музыка и пение (вспомним хотя бы западно-европейских менестрелей и миннезингеров). Неудивительно, что и племя гокленов, в среде которого мы находим в XIX веке уже вполне сложившиеся феодальные отношения, представляло собой прекрасную почву для развития народных певцов и музыкантов, так называемых „бахши“ („baŋşı“), присутствие которых было обязательным при всех празднествах, состоя-

ниях, свадьбах и т. п. торжествах. Выдающееся развитие музыкального искусства у гокленов отмечено было и другими, соседящими с ними, туркменскими племенами. Так, у нохурцев есть следующая поговорка: „tekeje—barsan geŋle—me ||jom u da—barsan mo: l: a'—bol || gø; klø: nə—barsan baŋşı—bol“. Естественно поэтому, что и у гокленских детей музыкальные инструменты пользуются исключительным вниманием. Среди их игрушек мы находим и скрипку („qısaŋ“) со смычком („temençä“), и дутару („tamdır a“), и род пикколо-флейты—так называемый „баламан“ („balaman“). Кузовы имеющихся в коллекции экземпляров скрипки и дутару сделаны из толстых обрезков ствола растущего в горах зонтичного растения „камак“ („qamaŋ“), струны же („qıgıŋ“)—из конского волоса. Игрушечный баламан, вследствие простоты своей конструкции, является обычно точной копией настоящего музыкального инструмента, отличаться от последнего лишь меньшей тщательностью отделки и отсутствием достаточной выверенности звука. Игрушечные тьюдуки, повидимому, совсем не в ходу среди гокленских детей, так как вообще тьюдук пользуется, по сравнению с баламаном, значительно меньшим распространением среди гокленов; к тому же, все виденные нами экземпляры гокленских тьюдуков были гораздо миниатюрнее по размерам, чем тьюдуки у других племен.

К разряду детских шумовых музыкальных инструментов должна быть причислена также и жужжалка—„сызлавуқ“ („sıŋlavıc“), иначе еще называемая „сызловуқ“ („sıŋlovıq“) или „хызловуқ“ („xıŋlovıq“) или „зырловуқ“ („zıŋlovıq || zıŋlavıq“), представляющая собою деревянную палочку с кольцеобразной зарубкой посредине, либо зазубренный диск из сухой тыквенной корки (иногда даже из обрезка толстой кожи) с двумя отверстиями в центре. Палочка (или диск) привязывается к толстой сложенной вдвойне шерстяной нитке (или шнуру) на равном расстоянии от обоих концов нитки. Приводится игрушка в действие следующим образом. Оба конца шнура берутся: один—в правую руку, другой—в левую. Несколькими взмахами правой руки деревяшке сообщается кругообразное движение, поддерживаемое и усиливаемое в дальнейшем ритмическими потягиваниями шнура, сообразуемыми с периодом попеременного вращения деревяшки в ту или иную сторону. При сильных потягиваниях эта игрушка издает резкий жужжащий звук („sıŋlavıc sıŋlavıc“).

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА ИГРУШЕК—БЫТОВЫЕ. Все вышеперечисленные игрушки являются принадлежностью почти исключительно одних только мальчиков. Наоборот, игрушки последней группы—бытовые—свойственны только девочкам, что объясняется, конечно, исторически сложившейся ролью женщины в туркменской семье, как жены, матери и хозяйки. Игрушки эти подчас крайне незамысловаты. Так, например, повсеместно распространенная игрушка „джаджек-джюджек“ („çə: çek-çu: çek“) представляет собой набор обыкновенных черепков разнообразных форм и цветов. В глазах играющих детей каждому черепку бывает присвоено строго определенное значение; здесь мы находим при расспросах такие предметы, как: „таган“ („ta: qan“), т. е. треножник для вар-

ки пищи, котел („qɑ : zɑp“), ложку („seɬsɑ“), чайник („sɑ : jnek“), пиялу („kɑ : se“), чашу („ɕɑ : m“), скребок („q ɤ qɑɕɑq“), миску („oqɑɑ“), ящичек-сахарницу („qɑr ɤ ɕɑq“), ведро („bedrɑ“) и т. д.

Кумолок-яйин

Наиболее распространенной среди девочек игрушкой являются, само собой разумеется, куклы. Они отличаются друг от друга размерами и одеждой в зависимости от того, кого, именно, должны изображать собою: дитя, девушку или взрослую женщину (кукол, олицетворяющих собою мальчиков или взрослых мужчин, мне не приходилось видеть). Остов куклы представляет собой обычно деревянную палочку с намотанной на одном конце белой тряпичной головкой и с поперечной перекладиной (она нередко вовсе отсутствует), изображающей собою руки*). Белое тряпичное лицо куклы обычно перекрещивается (в форме буквы X) двумя черными нитками, долженствующими изображать глаза, нос и рот (впрочем, иногда эти части лица особо вышиваются). Тесно намотанные вокруг лица черные нитки изображают собою волосы. На этот остов девочками натягивается целый ряд цветных тряпочек, заменяющих собою отдельные части костюма туркменки, либо специально сшитые маленькие рубашенки, покрывала и т. д. Приведем для примера перечень предметов одежды у двух имеющихся в нашей коллекции кукол: девушки и взрослой женщины. Кукла девушки („qɤ : z“) одета в рубашку („køjnæk“), подпоясанную кушаком („bi : l qıɕoɕ“). На голове — тюбетейка („taɣxa“); поверх нее накинута платок („ja : l ɤ q“), концы которого откидываются назад (за плечи). У замужней женщины („heleɣ“) на теле тоже рубашка („køjnæk“). На голову у нее накинута цветной платок „jensatar“ (литературное: jense-atar), поверх него — „das : ar“ темно-красного цвета, один из концов которого („jaɕmaɣ“) закрывает рот куклы. Поверх всего повязан еще один „das : ar“ — алого цвета.

Гокленские девочки нередко делают также куклы, изображающие женщин и девушек соседних с гокленами племен. Так, один из приобретенных нами экспонатов представляет собою куклу текинки („teke-heleɣ“). Подобно предыдущей кукле, она одета в рубашку („køjnæk“), на голове у нее — „bɑ : ɣuk“, т. е. высокая митрообразная тюбетейка. Тюбетейка прикрыта повязкой „al-daɕ“, поверх которой накинута пла-

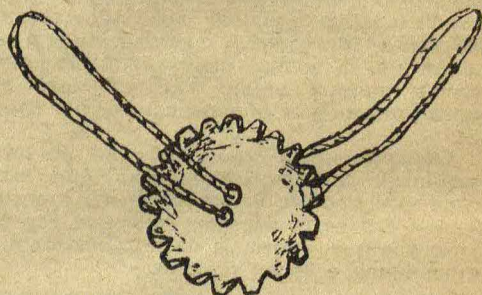
ток-покрывало — „qɤjɑɕɑ“. Поверх всего наброшен женский халат „kurtɑ“ с закинутыми на спину рукавами („kurtɑ : n ɤ n jeɣi“). Рукава халата соединены перевязкой, называемой „ba : ɕ ɤ q“.

В однообразной и замкнутой жизни гокленки замужество является фактом огромнейшего значения и поэтому выдача кукол замуж представляет собою для гокленских девочек одну из любимейших и увлекательнейших игр. Специально для этой игры ими изготавливается игрушечное подобие свадебного паланкина — „кеджебе“ („keɕebe“), в котором отвозят невесту из юрты ее родителей в юрту жениха. Остов „кеджебе“ делается из древесных веток в виде небольшой беседки и закрывается со всех сторон покрывалом, щедро изукрашенным цветными лоскутами, вышивками, бахромой („ɣuɣ-ɕuɣ“) и т. п. Дно „кеджебе“ устилается тюфяками („dɤɕək“) и подушечками — плоскими („kɣr-ɕek“) и круглыми („jaɕ : ɤ q“).

В игрушечную „кеджебе“ кроме куклы самой невесты ставится также кукла сопровождающей невесту старшей родственницы (ею обычно бывает жена старшего брата — „gɤneɕe“).

Таков далеко, по всей вероятности, неполный перечень употребительнейших гокленских игрушек. Внимательный читатель заметил, должно быть, отсутствие в этом перечне игрушек, изображающих собою средства передвижения. Отсутствие это не случайно и является точным отражением окружающей гокленского ребенка действительности: дело в том, что арбы, а тем более телеги, являются предметом, абсолютно чуждым обиходу гоклена, т. к. все передвижения и перевозки совершаются в Кара-Калинском районе местным населением с помощью верховых и вьючных животных (лошадей, ослов и верблюдов).

Список игрушек можно было бы пополнить еще, пожалуй, указанием на волчек („saɣmaɕ“) и мячик, представляющий собой обычно комок тряпок, либо клубок плотно сбитой шерсти, оплетенный со всех сторон разноцветными шерстяными нитками. Впрочем, и мяч и аналогичные ему предметы вроде очень любимого

Сызлавуч (с диском из тыквенной корки)

го туркменскими детьми „чижика“ („cilik“) являются по сути дела уже не самостоятельными игрушками, а всего лишь аксессуарами тех или иных детских игр, речь о которых должна идти особо*).

А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ.

* Подробное описание туркменских подвижных игр сделано Пароловым. Книга находится в печати и выйдет в свет в октябре — ноябре текущего года.

*) Иногда встречаются куклы с руками, приводимыми в движение с помощью подергивания за веревочку.

Туркменоведение

№ 11.

383834
НОЯБРЬ 1930 г.

1-й экз.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й

Научно - Исследовательский и Историко-Краеведческий Журнал

Орган Института Туркменской Культуры

при СНК ТССР

(год издания четвертый)

Ответственный редактор—И. Усталый.

Зав. редакцией—А. Эфрон.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ашхабад, Гоголевская ул., 28.—
Туркменкульт. Тел. 3—49.

В Н О М Е Р Е:

Т. Козлов. Задачи краеведения в ТССР.

А. Губанов. Цыгайские овцы.

П. Иванов. Основные типы жилища туркмен в переходный период.

А. Облоногий. От „богатырских“ сказаний к песням Октября.

Т. Н. Первый съезд туркестанских большевиков.

А. Поцелуевский. Бабаля-Шаир об Алиханове.

Д. Лейви. Положение евреев при Куропаткине.

С. Филиппов. Беззащитный грабеж.

П. Арбеков. Археология на службе социалистического строительства.

А. Марущенко. Развалины святилища огня.

В. Тихонович. От омача к трактору.

А. Леонов. Саранча (повесть).

Тихонов. Дорогу, Гюрген. (стихи).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Дневник Туркменкульта № 11 (ноябрь) 1930 года

Подписывайтесь на „Туркменоведение!“

Условия подписки (с приложениями): 1 год—5 руб.
9 мес.—4 руб., 6 мес.—2 руб. 75 к., 3 мес.—1 руб. 40 к.,
1 мес.—50 коп. Цена отдельного номера—50 к.

Подписку направляйте: Ашхабад, Гоголевская, 28,—
Издательство Туркменкульта.

При коллективной подписке 20% скидки.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ И. ЮОН.

Задачи краеведения в ТССР

Развернутое социалистическое наступление по всему фронту с особой отчетливостью и убедительностью выдвигает, как одну из форм содействия социалистическому строительству — советское краеведение.

В условиях национальной республики краеведческая работа приобретает исключительное значение. Поэтому всестороннее научное изучение Туркмении общественными силами должно получить конкретную, четкую установку и направление. Краеведческая работа должна строиться так, чтобы в самой работе росли новые силы, выковывался актив, усиливалась значимость краеведения в переустройстве народного хозяйства на социалистических основах.

Значительную ясность в краеведческую работу внесла IV всероссийская конференция по краеведению. Председатель Центрального бюро краеведения тов. Смидович в своем докладе — «Краеведение на путях социалистического строительства» отметил четыре основных задачи, стоящие перед советским краеведением. Эти задачи, по существу, являются основами социалистического строительства: 1) реконструкция и рационализация промышленности, новое промышленное строительство; 2) развертывание городского строительства и строительство новых городских и сельских поселений; 3) коллективизация деревни, механизация и рационализация всего сельского хозяйства на основе организации крупного сельскохозяйственного производства; 4) развертывание огромной культурной работы.

Наличие при ЦБК основных секций—промышленного краеведения, сельского хозяйства, культурной секции и школьно-краеведческой—должно обеспечить выполнение новых задач, поставленных перед краеведческими организациями.

Организационно оформленное краеведческое движение в Туркмении фактически существует с 1928 года, и в данный момент мы имеем такую структуру, которая конференцией была признана наиболее жизнеспособной и отвечающей требованиям реконструктивного периода.

В связи с ликвидацией округов развернута работа по созданию районных объединений, оживлению их деятельности и расширению сети низовых краеведческих ячеек. В Чарджуе и Керках организуются музеи. Это—факт большой значимости. Являясь основной базой для развертывания краеведческой работы, музеи помогут значительно расширить краеведческое движение в Туркменистане.

В условиях культурного роста и хозяйственного подъема республики последнее исключительно важно и необходимо, тем более, что нынешнее состояние краеведческой работы, несмотря на несомненные успехи, имеет много недочетов и пробелов. Низовая краеведческая сеть слаба, внимание советской общественности к краеведению недостаточно, чувствуется острая нужда в популярной методической краеведческой литературе.

Отсутствие туркменского краеведческого актива является основным препятствием в развертывании краеведной работы в ауле. Аульное учительство в краеведческом движении себя не проявило.

В бывшем Керкинском округе были попытки организовать работников просвещения—туркмен. Существовало краеведческое общество, в которое входили почти все аульные учителя. Объединение один период работало довольно активно, но в последнее время часть активистов выбыла, и работа замерла.

Бабали-Шаир об Алиханове

(ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЭТНОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ТУРКМЕНКУЛЬТА К МЕРВСКИМ ТЕКЕ, САРЫКАМ И САЛЫРАМ).

История проникновения русского влияния в Среднюю Азию заслуживает, несомненно, самого пристального к себе внимания и всестороннего изучения.

Во время последней этнолого-лингвистической экспедиции Туркменкульта (в сентябре 1930 года) мне удалось записать со слов жителя аула 1-й Чонгур (1-nçi Söňür) Мервского района Сеит-Джана Непес-оглы *) любопытное стихотворение малоизвестного туркменского поэта Бабали-Шаира (Баваль-Şaýır), происходившего, по преданию, из аула Буркоз и умершего лет 30 тому назад.

Произведение Бабали-Шаира обращено к небезызвестному проводнику колонизаторской политики царизма Алиханову, главному действующему лицу первой русской „торговой“ экспедиции в Мерв (1882 г.), послужившей прологом к окончательному подчинению Мервского оазиса русскому владычеству **).

Впрочем, упоминания о железной дороге („твоя железная дорога“), о построении города Мерва („ты воздвиг сто тысяч покоев“), о покорении бесчисленных городов и т. д. с несомненностью говорят о том, что в Алиханове мы должны здесь видеть скорей всего не то или иное конкретное лицо, а коллективный образ всей русской военщины, осуществлявшей колонизаторскую политику самодержавия.

Из стихотворения мы видим, что средства, употреблявшиеся для скорейшего порабощения страны, были довольно разнообразны: здесь и политика „пряника“ в форме привлечения на свою сторону отдельных наименее стойких лиц (наподобие какого-то Эленг-сердара или Майли-Хана) системой мелких

подачек и уступок, попутно с расчетом на слепое увлечение части масс мишурой внешнего блеска („оркестр музыки“, „обходительные речи“), здесь и политика „кнута“, выражавшаяся в готовности не останавливаться в случае нужды перед применением вооруженной силы („палат из ружей конные кая заки“).

Беспомощность туркменского народа, по рукам и по ногам связанного отсталой экономикой и особенностями родового уклада жизни, перед лицом завоевателей ясно и болезненно сознается поэтом („не избавитьс нам от тебя: пришел твой черед властвовать!“). Сознание это тем более трагично, что очень многие стороны быта непрощенных пришельцев, как-то: потворство разврату („juz туп gutı-qyzyt...“), праздное, паразитарное существование, ненужная роскошь и т. п. вызывали в психике поэта глубоко отрицательное к ним отношение и, следовательно, исключали возможность примирения с новым чуждым бытом.

В общем, произведение Бабали-Шаира представляет собою, по существу, горькую и язвительную сатиру, но составлено оно в форме панегирика, что, пожалуй, делает его содержание еще более действенным, впечатляющим.

Текст этого стихотворения, в виду почти полного отсутствия в специальной литературе фонетически транскрибированных образцов туркменской народной речи, приводится здесь как в литературном правописании, так и в транскрипции (составленной, в силу типо-

*) Sejit-Çan Nəpəs-oğlu, 59 лет, мервский текинec отдела уюмыш (utamyş), рода бахши (baqşy), колена зекир-чельтек (zəkir-çetək), уроженец аула Мюльк-Бахши (Mulyk-Baqşy), по профессии — кузнец.

**) См. статью П. Арбекова: „Первый русский караван в Мерв“ (в № 4—5 журнала „Туркменоведение“ за 1930 год).

графских условий, применительно к новому латинизированному алфавиту *)).

* * *

Aşqabatdan ugradyň seňbet-saz bilen
Bir niceňi jaqdyň hoşavaz bilen.
Otlağabaň (= otly arabaň) geldi gyrçyl-gyz bilen.
Sansyz şehertleri aldyň, Aň-Han!

Jyz myň otaq saıdyrdyň tomaşa-tojly.
Jyz myň gyrçyl-qyzyň eswavy şajly.
Munda—Elen-Serdar, Qarahmat Majly...
Duşmanlyň bojnundan ildyň, Aň-Han!

Car tarapa düşer boldy duzaqyň.
Sovymaz nobatyň, geldi gezegin!
Ənynde ot sovyr atly qazaqyň.
Sansyz şehertleri aldyň, Aň-Han!

* * *

aşqa (*) by a : t : an ugradyň || seňbet-sa : z' (*)—bilen
bir (*)—nice : ni jaqdyň || hoşova : z' (*)—bilen
o : tla (*) ravv a : n geldi || gyrçyl-qy : z' (*)—bilen
sa : nsyz (*) şehertleri || aldyň a : li—ha : n

jyz (*)—myň-otoq saıdyrdyň || tomaşa⁰ (*)—tojly
jyz (*)—myň gyrçyl-qy : z' (*) eswavy a : by i' (*)—şajly
munda elen' (*)—serda : r || qarahmat' (*)—majly
duşma : n' (*) bojnundan || ildyň¹ (*)—a : li—ha : n

ca : r' (*)—tarapa || düşer' (*)—boldy dyzaqyň
sovyalmaz' (*)—no : by atyň || geldi' (*)—gezegin in
ənynde o : t' (*)—sovyr : r || atly' (*)—qazaqyň
sa : nsyz' (*)—şehertleri || aldyň¹—a : li—ha : n

* * *

Ты прибыл из Ашхабада с [обходительной] речью и
[в сопровождении] оркестра.
Некоторых ты пленил приятными звуками [музыки].

*) При пользовании примененной в этой статье системой транскрипции следует иметь в виду следующее: двоеточием отмечается долгота предшествующего звука; весьма краткие (беглые) звуки означаются *курсивом*; слова, слитно произносимые соединяются друг с другом помощью черточки; (*) означает тоническое ударение; ' — экспираторное (оба знака ставятся непосредственно после ударяемого слога, причем экспираторное ударение отмечается лишь в таких словах или комплексах слов, где оно приходится не на последний слог); by — означает звук, напоминающий русское „в“, но произносимое одними губами, без помощи зубов (не смешивать с туркменскими „v“, имеющим артикуляцию, аналогичную английскому „w“); g'x — фрикативное „g“ (в отличие от обыкновенного, смычного „g“); лабиализация отмечается значком⁰ (a⁰); кроме того, следует помнить, что „s“ и „z“ являются в туркменском языке звуками междузубными (наподобие англ. „th“ в словах „thin“ и „that“) и что долгие туркменские звуки „b : i : y : u :“ к концу очень сильно оуживаются в то время, как долгое „ə :“ к концу, наоборот, расширяется.

Вместе с твоей железной дорогой появились [у нас]
грузинские девицы *).
Несметное число городов ты взял, Алиханов!

Ты воздвиг сто тысяч прекрасных покоев **), в которых
идет веселая жизнь.

Наряды твоих ста тысяч грузинских девиц изукрашены драгоценностями
А здесь... [верховодят] Эленг-Сердар ***) да Карахмат
Майли ****).
Крепко ухватил ты за шею [своего] врага, Алиханов!

На все стороны раскинуты твои тенета.
Не избавиться [нам] от тебя: пришел твой черед
[властвовать]!
Палат перед тобою из ружей конные казаки.
Несметное число городов ты взял, Алиханов!

*) По сообщению П. Арбекова, архивные данные свидетельствуют о том, что во времена царизма военное командование Закаспийской области в „заботе“ о подчиненных им воинских частях выписывало в значительном числе проституток из Астрахани и других мест. Девицы эти могли быть сочтены местным населением за грузинок тем легче, что сам Алиханов был кавказец (народная молва называет его лезгиним (lezgi)).

**) Под ста тысячами покоев подразумевается настоящий город Мерв.

***) Сердарами у туркмен во времена до прихода в край русских назывались предводители отрядов, совершавших набеги (аламаны) на Персию. Что же касается Эленг-Сердара, то он был, по словам Сеит-Джана, одним из первых мервских текинцев, поступивших на службу к русским (в качестве джигита) и якобы сопровождал Алиханова при вступлении его в Мервский сазис. Архивные данные, а равно и предание умалчивают об Эленг-Сердаре; поэтому весьма вероятной кажется догадка А. Х. Кульмухамедова, полагающего, что почетный титул „serdar“ употреблен здесь в ироническом значении.

****) Здесь имеется в виду глава большого текинско-го рода Сычмаз (Сысмаз) по имени Майли или Майли-Хан (Maili-Nan), происходивший из колена Карахмат, (Qarahmat или, точнее, — Qara Ahmet). Молодой Майли-Хан был, по словам народа, единственный из текинских ханов, скоро сблизившийся с русскими и оказывавший им большие услуги.

По преданию (не вполне согласному в деталях с данными, приводимыми в упомянутой выше статье П. Арбекова), во время занятия Мервского оазиса русскими, во главе мервских теке стояло четыре хана, возглавлявших отдельные крупные родовые единицы), а именно: упомянутый здесь Майли-Хан из рода Сычмаз (Сысмаз), Сары-Хан (Sary-Nan) из рода бахша (baqşy), Мырат-Хан (Myrat-Nan) из рода бег (beg) и Юсуп-Хан (Jysip-Nan) из рода Векиль (Vekil). Вследствие молодости Юсуп-Хана, его господство было номинальным: всеми делами вершила его знаменитая мать Гюль-Джамаль-Хан (Gul-Jamal-Nan). Нелишне вспомнить при этом, что мервские теке распадаются на два больших племенных отдела: утомыш (utamyş) и тохтамыш (toqtamyş), из коих утомыш обитают по левую сторону течения реки Мургаба, а тохтамыш — по правую. Отмеченные выше родовые группы сычмаз и бахши относятся к отделу утомыш, а роды бег и векиль — к отделу тохтамыш.

Октябрь — ноябрь 1929 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
Института Туркменской Культуры
(год издания четвертый)

Ответственный редактор — Г. И. Карпов
Зав. Редакцией — А. А. Облонский.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ашхабад, Гоголевская, 28. —
Туркменкульт. Тел. 5—76 и 3—18.

В Н О М Е Р Е:

- Н. Айтаков. — Первое пятилетие.
А. Енукидзе. — Советский Туркменистан.
А. Вельтнер. — Октябрь и национальный вопрос.
Д. Стэн — 18 ноября.
Я. Гальперштейн. — Экономическое развитие Турк-
менистана.
П. Мирошников. — Промышленность и торговля
в Туркменской ССР.
Н. Кулиев. — Сельское хозяйство Туркмении.
Г. Явлинский. — Бюджет ТССР.
Г. Карпов. — Туркмения и туркмены.
В. Карпыч. — К истории завоевания Туркестана.
М. Правда. — Советизация туркменских кочевий.
А. Аvezов. — Туркмения в борьбе за культуру.
А. Прозоров. — Народное образование в ТССР.
М. Верещагин. — Научно-исследовательская рабо-
та в Туркмении.
Т. Козлов. — Краеведение и общественность в
Туркменской ССР.
Я. Факторович. — Национальная печать Туркмени-
стана.
Н. Поцелуевский. — Развитие туркменского языка.
И. Шкляр. — Искусство в ТССР.
В. Беляев. — Изучение туркменской музыки.

Библиография

- Ф. П.—ов. — „Революционное движение в Средней
Азии“.
Г. Явлинский. — „Страны Востока“.
Туркмендуст. — „Туркмения“ (т. III).
Я. Янубсон. — Литература о Туркмении.
А. Олевич. — „Туркменская Искра“ (указатель).

П Р И Л О Ж Е Н И Я:

1. Дневник Туркменкульта № 9—10 (сентябрь—
октябрь 1929 г.).
II. Литературно-художествен. сборник № 5—6
(сентябрь—октябрь 1929 г.).

Обложка работы художника О. Пономарева.

Подписывайтесь на „Туркменоведение“!

Условия подписки (с приложениями): 1 год —
5 руб., 9 мес. — 4 руб., 6 мес. — 2 руб. 75 коп.,
3 мес. — 1 руб. 40 коп., 1 мес. — 50 коп.

Цена отдельного номера — 50 коп.

Подписку направляйте: Ашхабад, Гоголевская, 28, —
Издательство Туркменкульта.

При коллективной подписке 25% скидки.

ПЕРВОЕ ПЯТИЛЕТИЕ

994 (os)
Т 88

Пятилетие Туркмении указывает путь
к освобождению угнетаемых импери-
алистами колониальных народов Востока.

19-го ноября исполнилось пять лет со дня образо-
вания Туркменской Социалистической Советской Респу-
блики.

Пять лет тому назад, при национальном размеже-
вании Средней Азии, туркменский народ, разобщенный
границами Бухарской, Хорезмской и Туркестанской рес-
публик, объединился в одно целое и, получив государ-
ственное устройство, вошел в Союз ССР, как равноправ-
ный член великой семьи народов, объединенной Октя-
брем.

Национально-государственному размежеванию рес-
публик Средней Азии — Туркестанской, Бухарской и
Хорезмской — предшествовали чрезвычайные с'езды со-
ветов и сессии центральных исполнительных комитетов,
созванные в сентябре 1924 года — в Хиве, Бухаре и
Ташкенте. Приняв решения о размежевании, чрезвы-
чайные с'езды и сессии избрали полномочные делега-
ции для передачи решений Союзному Правительству.

Вопрос об образовании Туркменской ССР был решен
на чрезвычайной сессии ЦИК Советов Туркестанской
республики, созданной в Ташкенте 16 сентября 1924 г.
14 октября решение сессии было подтверждено на сес-
сии ЦИК РСФСР, 27 октября решение было утвержде-
но 2-й сессией ЦИК Союза ССР, а 19 ноября 1924 г.
Туркменским Ревкомом в Ашхабаде был издан первый
декрет.

При национальном размежевании в состав Туркмен-
ской ССР вошли: Туркменская (бывш. Закаспийская)
область Туркестанской республики, Чарджуйский, Кер-
кинский и часть Ширабадского вилайетов Бухарской
республики, и пять шуро Хорезмской республики —
Ташауз, Ильялы, Тахта, Порсу и Куня-Ургенч.

Территория Туркменской ССР определилась в
463.100 кв. километров с населением в 1 миллион.

Истекшие годы (1924—1929) были годами интен-
сивного государственного, хозяйственного и культурного
строительства. Итоги этого строительства дают полное
право утверждать, что советский Туркменистан в боль-
шей мере, чем какая-либо другая окраинная часть Со-
ветского Союза, являет собой прекрасный пример про-
ведения национальной политики советской власти, об-
разец практического осуществления идей и заветов
В. И. Ленина в национальном вопросе.

Бывшая колония царизма, Туркмения находилась
едва ли не в худших условиях, чем другие окраины
бывшей Российской империи. Здесь, почти вплоть до
самой революции, сохранилось, так называемое, «воен-
но-народное управление».

Туркмения испытала на себе всю тяжесть гнета
этого «народного» управления и деспотизма верных
слуг царя — продажных эмиров и ханов.

Туркменский народ был поделен между тремя дес-
потами — царем, эмиром и ханом.

Туркменского народа, как национального целого, не
существовало. Он был обречен на экономическое и куль-
турное прозябание.

Развитие туркменского языка

Вперед к культуре — через развитие языка.

Туркменский язык принадлежит к очень многочисленной по составу семье турецких или, как их еще иначе называют, тюркских языков и входит в юго-западную (по классификации акад. А. Н. Самойловича) группу турецких диалектов, объединяющую, помимо туркменского, языки: азербайджанский, османский, крымско-татарский (южно-бережный) и гагаузский.

Кроме Советской Туркмении, включившей в себя большую часть территории бывшей Закаспийской области и населенные туркменами вилайеты Бухары и Хорезма, — туркменский язык имеет распространение также в северных и северо-восточных провинциях Персии и Афганистана, так как там живет значительная часть туркменских племен. Помимо того, известны многочисленные поселения туркмен на северном Кавказе (ставропольские туркмены), в Астрахани и в Малой Азии. По непроверенным еще пока сведениям, встречаются группы туркмен (почти совсем ассимилировавшиеся с окружающими их татарами) и на Крымском полуострове.

Кочевой, полудвоенный быт туркмен, родовой строй и, наконец, отсутствие национального единства — в прошлом результаты дробления туркмен на отдельные части, которые подчинялись пяти различным государствам, — имели своим последствием то, что ко дню образования Туркменской Республики нельзя было еще говорить о каком-либо едином общетуркменском языке.

С одной стороны, мы имели литературный язык старых поэтов и писателей (Махтум-Кули, Сеиди, Кемине, Зелили и др.). Их язык архаичен по своим формам, чрезмерно насыщен арабскими, персидскими словами и выражениями (подчас до такой степени, что не всегда понятен даже образованному туркмену) и, таким образом, почти неприменим в наших условиях. С другой стороны, народный разговорный язык не являлся чем то единым, а распадался на ряд отдельных наречий, главнейшими из которых являлись: иомудское, текинское (с примыкающими к нему говорами сарыков и салыров), эрсаринское и гокленское.

Перед Советской Туркменией встала трудная и сложная задача — одновременно с распространением элементарного просвещения, среди почти поголовно неграмотной дехканской массы аула, создавать единый общетуркменский литературный язык, отвечающий требованиям современности, и, вместе с тем, такой, который был бы построен на основе народной речи.

Практическое разрешение этой задачи легло на туркменских поэтов, писателей и общественников (Кербабаяв, Керими, Бурунов, Насырли, Куль-Мухамедов, Беки Бердиев, Сахатов, Курт-Мурадов, Хусанов и много др.). Их рупором явилась местная периодическая печать (главным образом, газеты «Туркменистан», «Дайхан», и журнал «Токмак»). Заслуга национальной периодической печати в деле литературной обработки живой народной речи несомненна, и в настоящее время мы уже можем говорить о новом общетуркменском литературном языке. Правда, отдельные эле-

менты его еще не достигли полной устойчивости, но, во всяком случае, общий его характер получил вполне достаточную определенность.

Теоретическая разработка вопросов языка в литературе была сосредоточена — сначала в Государственном Ученом Совете Наркомпроса ТССР (с организованным при нем Туркменским Научно-Литературным Обществом), а в дальнейшем, по ликвидации ГУС'а, в Институте Туркменской Культуры.

Главное внимание и ГУС'а, и Туркменкульта было уделено вопросам лексикологии: было положено начало созданию полного сравнительного словаря туркменских говоров. Работа эта (временно теперь приостановленная) велась под руководством акад. А. Н. Самойловича. В настоящее время идет интенсивный сбор (помощью корреспондентской сети Туркменкульта) материалов для практического туркмено-русского словаря, в который войдет до 25.000 слов (к началу сентября 1929 года было собрано 4.500 словарных карточек). Предполагается, что к концу 1930 года практический словарь будет закончен, и тогда возобновится составление сравнительного словаря туркменских говоров.

Весной этого года вышел в свет русско-туркменский словарь А. Алиева и К. Бориева, в объеме до 20.000 слов.

Результатом работы Туркменкульта в области изучения фонетических и морфологических особенностей современного туркменского языка — явились следующие труды (изданы Туркментизом): М. Гельдиев и Г. Алпаров — «Грамматика туркменского языка» и «Руководство для изучения туркменского языка» — А. Поцелуевского. В дальнейшем предстоит составление сравнительной грамматики туркменских говоров. Сбор материалов для нее уже начал: в сентябре этого года отправлена лингвистическая экспедиция в Приамуринскую полосу — к эрсаринцам. Аналогичные экспедиции будут организованы в течение ближайших 2-х лет и к остальным более крупным туркменским племенам.

Особое внимание уделяют научные силы Туркмении возможно более точному, вполне объективному определению фонетических особенностей отдельных туркменских говоров. С этой целью при Туркменкульте создан Кабинет Лингвистики, снабженный рядом приборов, необходимых для производства экспериментально-фонетических изысканий.

Введение нового алфавита, составленного на основе латинского, вплотную привлекло внимание советской общественности к вопросам языка и письменности. ГУС'ом и Туркменкультом была проведена большая работа по выработке (совместно с другими тюркскими республиками) единой формы алфавита и, в особенности, по установлению основ новой орфографии (М. Гельдиев и К. А. Бориев).

Большим и крайне досадным пробелом является продолжающаяся до сих пор неналаженность терминологических работ.

Дальнейший рост литературного языка на основе народной речи требует самых энергичных усилий в области собирания, обработки и издания памятников устного народного творчества (фольклора). В отношении записи фольклора сделано довольно много: собрано работниками ГУС'а, Туркменского Научно-Литературного Общества и Туркменкульта, в общей сложности, свыше 150 печатных листов. Кое-что из этих материалов уже обработано и издано (М. Гельдиев — «Сборник туркменских народных поговорок, пословиц и загадок» и А. Поцелуевский — «Стихотворный ритм гокленских

народных песен»). В последнее время сдан в набор труд А. Поцелуевского — «Сборник туркменских женских песен».

Плодотворный сбор фольклорных, старо-литературных и словарных материалов, а также их обработка невозможна, конечно, без привлечения к этому делу широкой туркменской общественности. Задачу эту призвано выполнить Всетуркменское Литературное Объединение, организованное в начале этого года при Туркменкульте.

И. ШКЛЯР

Искусство в ТССР.

В силу исторических причин Туркмения вошла в Октябрьскую революцию национально не консолидированной, с ничтожным культурным наследием вообще и в области искусства — в частности. Дореволюционная Туркмения не знала живописи, скульптуры, театра. Творчество масс проявлялось лишь в так называемых прикладных искусствах: ковре-изумительнейшем художественном создании туркменской женщины, — вышивках утвари и т. п.

Сохранившаяся благодаря своеобразию исторического развития туркмен — богатая и сложная музыкальная культура, происхождение которой проф. В. Беляев относит к XI—XII в.в. н. эры, застыла в традиционных рамках и дальнейшего развития не получала.

Количественно более значительное литературное наследие носит на себе следы инонациональных влияний, и только в XVIII веке зарождается национальная туркменская литература, у колыбели которой стоит известный туркменский поэт Махтум-Кули.

Колониальное порабощение русскими, притеснения бухарских и хивинских ханов — обрывают национальное и культурное развитие туркмен, и только Октябрь, опрокинувший колониальный гнет и социальное порабощение, — открыл широкие возможности творчеству трудящихся масс во всех областях культурной жизни, в том числе и искусства.

Культурный рост в искусстве сказывается у туркмен, прежде всего, в художественной литературе. Наряду с заметным обновлением творчества народных певцов — «бахши», первыми отобразивших в своем поэтическом творчестве сдвиги, совершенные Октябрем, — вокруг первой туркменской газеты «Туркменистан» вырастает группа поэтов и писателей, имена которых к настоящему дню пользуются вполне заслуженной известностью (Аламышев, Бурунов, Кербабаяев, Куль-Мухамедов, Насырли). Рядом произведений эти товарищи кладут начало созданию современной туркменской художественной литературы.

Создано ВТЛО (Всетуркменское Литературное Объединение), регулярно выпускающее два литературно-художественных сборника на туркменском и русском языках (при журналах «Туркмен-Медениети» и «Туркменоведение»). Вокруг ВТЛО и выпускаемых им сборников группируются все молодые туркменские литературные силы, пополняющиеся из рядов учащихся и из

рядов широко развернувшегося рабдохкоровского движения (рабочие и крестьянские корреспонденты).

Наряду с литературно-творческой работой идет литературная учеба и научно-исследовательская работа. В этом отношении заслуживают быть отмеченными: посылка группы литературных работников для получения образования в Ленинградский Институт Живых Восточных Языков; работы Секции языка и литературы Института Туркменской Культуры, давшие ценные результаты в области изучения туркменского языка, литературы и собирания фольклора; труды Куль-Мухамедова, давшего ряд очерков по истории туркменской литературы.

Особо необходимо отметить ценнейшие в этой области труды Академика А. Н. Самойловича, направлявшего эту работу и фактически руководившего ей.

Мы можем также с удовлетворением отметить, что стройка молодой ТССР нашла художественное отображение и в творчестве ряда русских поэтов (Асеев, Н. Тихонов, Авакумов, П. Комаров и др.), на ряду с которыми объединенный в ВТЛО русский литературный молодец способствует обогащению туркменской литературы.

Туркменской художественной литературе, конечно, нужно пройти еще большой путь до вершин своего развития, но успехи ее в столь короткий срок, успехи, обеспечиваемые и впредь растущим социалистическим строительством, — открывают перспективу ее несомненного широкого расцвета.

Туркменское музыкальное искусство до революции оставалось не изученным. Являясь искусством «стоящим на определенно высокой степени совершенства» (В. Беляев), оно — один из ключей к истории мировой музыкальной культуры.

Организованные НКПросом ТССР, музыкально-этнографические экспедиции В. А. Успенского впервые «открывают» в этом свете науке туркменскую музыку. Дальнейшие изыскания в этой области несомненно дадут ценнейший материал, мировое научное значение которого трудно недооценить. Сохраненное народными певцами и музыкантами — «бахши» — музыкальное искусство, с революцией получает стимул к развитию и освоению его трудящимися массами.

Организованный недавно Туркменский Музыкальный Техникум, ныне реорганизуемый в Художественный Техникум, — создает новые кадры туркменских

Лингвистическая экспедиция ГУС'а.

А. Поцелуевский.

В конце октября прошлого года ГУС'ом была снаряжена объединенная музыкально-этнографическая и лингвистическая экспедиция в Красноводский, Гасан-Кулинский, Кизил-Атрекский и Кара-Калинский районы. Музыкально-этнографическая работа была возложена на В. А. Успенского, лингвистическая — на меня. В начале экспедиции работа шла совместно, но с 15 ноября наши пути разошлись, так как вследствие острого припадка болезни, произошедшего со мной на Атреке, я должен был отстать от своих спутников. По этой же причине, из общего числа 57 дней, проведенных мною в пути, около 10 дней было потеряно без пользы для дела.

Задачи, стоявшие передо мной при отправлении в экспедицию, определялись, главным образом, планом словарных работ, выработанным летом прошлого года в ГУС'е совместно с профессором А. Н. Самойловичем. Согласно этому плану, разработка материалов по книжному туркменскому языку, как старому, так и современному, производится в Ленинградском Институте Живых Восточных Языков силами командированных туда Наркомпросом слушателей-туркмен, под непосредственным наблюдением проф. А. Н. Самойловича. Работы же в области живой народной речи, фольклора и терминологии народных ремесл и производств должны вестись в Туркмении, отдельно по каждому из говоров, с помощью ряда сотрудников-корреспондентов на местах, под общим руководством ГУС'а. *)

Таким образом, подбор и необходимая подготовка работников по сбору фольклорного и словарного материалов являлись наиболее важной частью задач лингвистической экспедиции, и поэтому выполнение ее было посвящено главное мое внимание. Можно думать, что в отношении йомудов-джафарбайцев, огурджалинцев и гокленов цель экспедиции достигнута, т. е. в ряде пунктов (Гасан-Кули, Красноводск, Джебел, Кара-Кала, Ярты-Кала, Ак-Кель и Кара-Кель) привлечено к постоянной фольклорно-словарной работе 7 человек и, кроме того, в качестве только собирателей фольклора — 6 человек (в том числе одна девушка-гокленка). Представленные этими лицами записи и заполненные ими словарные карточки явятся первым вкладом в собрание фольклорных и словарных материалов, необходимых для составления научных словаря и грамматики туркменских говоров.

Попутно с э. им велась мною работа и по собиранию произведений фольклора, причем запись их производилась помощью фонетической транскрипции, что даст возможность установить на основании текстов не только морфологические, но и фонетические отличия отдельных говоров. Общий объем собранного мной фольклорного материала достигает 3-х печатных листов. Больше всего собрано разных песен (139), а также загадок (128), за ними следуют скороговорки (75) рассказы и сказки

*) В связи с объединением научных учреждений и организаций ТССР, все работы, касающиеся туркменского языка и литературы (в том числе и словарные) переносятся с 1 января 1928 года во вновь организованный Институт Туркменской Культуры.

(37). Число-же остальных, записанных мною образцов фольклора (поговорок, прибауток, пословиц и пр.) сравнительно невелико, так как работа в этом направлении уже велась раньше, и у некоторых исследователей (напр., у М. Гельдиева и Овезбаева) имеются довольно обширные собрания пословиц и поговорок.

В записанных мной материалах нашли себе отражение говоры йомудов-джафарбайцев, гокленов и огурджаинцев, а также (частично)—говоры племен ходжа и махтум. Детальная разработка и издание этих материалов—дело ближайшего будущего.

Сейчас же следует отметить лишь тот факт, что поддерживаемое некоторыми исследователями мнение о совершенной отсутствии в туркменском фольклоре произведений, живописующих сферу полового чувства, ошибочно. В целом ряде произведений народного творчества, собранных мною не только среди мужчин, но и женщин, мир половых отношений изображается подчас весьма выпукло и красочно. Впрочем, было-бы большой ошибкой видеть в этом доказательство половой распущенности или развращенности, т. к. в представлении нетрунутаго городской культурой туркмена половые органы и их функции столь же естественны и обыкновенны, как и вообще всякое проявление жизни. То, что это так, доказывает, напр., следующий отрывок из погребально-го причитания, записанного моим сотрудником-корреспондентом Дурды Муликовым со слов 45-летней гокленки Огуль-Герек-Курбан-Кызы (в ауле Ак-Кель, возле Кара-Кала):

آقشال خانانوكهر ايدي
لهبیم قاندي شهكمه ايدي
ساهار توروپ سيكهر ايدي
آقشال عوشهر يادىما

Здесь, овдовевшая мать, обращаясь к детям, вспоминает их покойного отца *) и говорит между прочим, что он, вставая по утрам, совершал с нею coitus (سيكهر ايدي). Ясно, что в данном случае не может быть и речи о каком-либо, хотя-бы отдаленном, намеке на похотливость.

Несмотря на обилие среди йомудов и гокленов лиц, хранящих в своей памяти сокровища устного народного творчества, мне не удалось встретить ни одного профессионального сказочника или сказителя. Впрочем, будучи в Гасан-Кули, я узнал от Ляле-Хана, что профессиональные сказочники у йомудов были и что исчезли они сравнительно очень недавно.

Там же, в Гасан-Кули, мне удалось установить существование в прошлом у приатрекских йомудов нескольких обычаев, связанных с днем Новруза. Хотя эти обычаи исчезли уже несколько десятков лет тому назад, но память о них пока еще сохраняется. Особенного внимания заслуживает обычай гаданья в чашке с водой в ночь под новый год.**)

Свободное, по сравнению с другими туркменскими племенами, положение женщин и девушек у гокленов дало мне возможность произвести наблюдения над стихотворным метром туркменских народных песен при музыкальном их исполнении. Собранный на основании этих наблюдений материал дает основание утверждать, что, с одной стороны, у

*) آقشال в гокленском говоре значит „твой папа“.

**) Присутствовавший при беседе М.М. Непеслив указал, что в Мервском округе у буркзов также существует интересный обычай гаданья в ночь под Новруз: каждый из присутствующих кладет в кувшин какой-нибудь предмет, после чего их вынимают под пение девушками особых песен. Нетрудно заметить, что этот обычай разительно схож с русскими „подблюдными“ песнями.

туркмен (по крайней мере, у гокленов) есть **тонические** (не силлабические) размеры, с преобладанием 4-хсложных и 5-тисложных стоп, и что, с другой стороны, эти размеры существуют обособленно от текста песни, непосредственно из него не вытекают, вследствие чего один и тот же текст может иметь тот или иной стихотворный размер, в зависимости от способа исполнения песни. Стихотворные ударения при этом, не считаясь с обычным прозаическим ударением, могут падать и на середину, и на начало слова и даже—на отрицательную частицу глагола.

Очень интересны так называемые „ajaq-lale“, при исполнении которых каждое из стихотворных ударений подчеркивается одновременным движением или, вернее, ударом полусогнутой в колене ноги, вследствие чего можно предположить что этот прием является видоизменением известного еще в древности способа отмеривания стоп стиха ритмичными ударами ступни.

Некоторая часть времени была уделена мною и этнографическим изысканиям, непосредственно не входившим в программу моих работ. Так, напр., во время пребывания в Кара-Калинском районе была собрана (главным образом, среди мальчиков) коллекция детских игрушек, в числе 34. Основным побуждением к составлению этой коллекции послужило то обстоятельство, что частью этнографов отрицается существование у мальчиков-туркмен игрушек. Затем, мною были обнаружены у гокленов и приобретены два любопытных предмета, не представленные в Туркменском Гос. Музее: сосуд „derpe“ и амулет „taoɽdan (или daoɽdan)“, замечательный своей крестообразной формой. *

„Derpe“ представляет собою сосуд для сала в форме кувшина или, вернее, амфоры с двумя вертикально-помещенными петлеобразными ручками. Дно не круглое, а вытянутое, как у мешка. Изготавливается он туркменскими женщинами весьма оригинальным способом. Основу сосуда составляет мешок из грубой ткани, который обматывается внутри и снаружи особой замаской, приготовляемой из растения „den,dan-gag“, предварительно размельченного на куски, высушенного и растертого на ручных жерновах в муку. Эта мука в смеси с водой и солью образует пасту, которая, высохнув, становится по твердости и прочности подобна обожженной глине. Любопытно, что „den,dan-gaga“ употребляется также и как лекарство против ветров в желудке.

Что касается тагдана (или дагдана), то амулеты с этим названием встречаются и в других местностях Туркмении, но имеют там иную форму. У гокленов же он представляет собою полное подобие креста, составленного из двух палочек: круглой горизонтальной и вставляемой в нее сквоз прорез посредине—вертикальной, внизу тоже круглой, а в верхней части—плоской (для продевания в прорез горизонтальной палочки). Длина горизонтальной палочки—7 см., вертикальной — 4 см. (нижняя круглая часть — 2½ см., плоская—1½ см.). Три круглых конца тагдана — нижний и два боковых—имеют каждый по 3 кольцевидных параллельных зарубки. В верхнем (плоском) конце сделана узкая скважина, сквозь которую продета нитка. Тагдан надевается на шею маленьким детям, а также домашним животным (в особенности, верблюдам и овцам) для защиты их от дурного глаза и вообще от всяких зол и напастей.

Крестообразный вид тагдана наводит, естественно, прежде всего на мысль о том, что не является ли он видоизменением христианского (несторианского?) креста. С другой стороны, в силу обилия среди туркмен иранских пережитков можно было бы высказать предположение, что это есть крайне упрощенная в своей форме древне-иранская эмблема бога Ормузда. Как известно, она представляет собой крылатый круг с хвостом птицы внизу и с человеческой фигурой в круге и над ним. Зарубки на концах палочек тагдана могли бы быть тогда истолкованы, как восемь примитивное, схематическое изображение перьев. Это предположение кажется тем более правдоподобным, что нижняя оконечность тагдана (хвост?) короче каждой из боковых оконечностей (крыльев?)

Впрочем, оба эти мнения являются лишь моим личным предположением. Ни на одном из них я, не будучи специалистом по истории Востока, не смею настаивать.

Заканчивая на этом сжатый обзор итогов моей поездки, должен отметить, что даже эти скромные результаты не могли-бы быть достигнуты мною, если-бы я не встречал почти повсеместно самого внимательного и предупредительного отношения к своей работе со стороны местного населения. Особенно отрадное в этом отношении впечатление осталось у меня от двухнедельного пребывания в Кара-Калинском районе.

